

Пролог

Индия, 1907 год

Стоя на цыпочках, Софи глядела сквозь сплетения лиан, закрывавших ей вид с веранды на дорожку внизу. Она с нетерпением ожидала начала застолья, посвященного дню ее рождения, ждала друзей с соседних чайных плантаций, которые придут угощаться приготовленным их поваром яблочным пирогом и тортом и играть в прятки. Странный дом со скрипучими полами, тенистой верандой и заросшим садом идеально подходил для этой игры. В честь Софи били в барабаны в деревне, находившейся неподалеку. Это началось еще до рассвета и продолжалось уже несколько часов.

— Когда же они придут, мама? Ну когда же они придут?! — приставала к матери Софи.

— Тише, девочка моя, — вздыхала ее мать. — Детям слишком далеко идти сюда только ради угощения.

— Нет, не слишком! — замотала головой Софи, тряхнув золотистыми кудрями. — Мы тратили много времени, чтобы добраться до них.

— В этом году все не так, как раньше. Ну сколько раз тебе это повторять?

Софи разочарованно взглянула на мать — та даже не стала переодеваться в праздничный наряд, словно знала, что все равно никто не придет. Софи, как только проснулась, сразу же самостоятельно надела свое лучшее голубое платье. Впрочем, она позволила своей няне, Айе Мими, расчесать ей волосы и застегнуть на туфлях металлические пряжки.

— Тогда мы можем пригласить ребят из деревни, — радостно предложила Софи.

Она видела, как они плескались в пруду, когда папа давал ей урок верховой езды на дороге, уходящей вглубь леса. Дети смеялись, махали руками и показывали на нее друг другу. Софи сидела в седле по-мальчишечьи, широко расставив ноги, в то время как ее отец вел лошадь в поводу.

Однако мать не удостоила просьбу Софи вниманием.

— Айя поставит на стол твой игрушечный чайный сервиз, и ты устроишь застолье со своими куклами.

— Нет! — в отчаянии топнула ногой девочка.

Сегодня ей исполнялось шесть лет, и она хотела настоящего праздничного угощения за взрослым столом. Софи не любила своих кукол с восковыми лицами, подаренных ей родителями два года назад несмотря на то, что она просила у них игрушечный паровоз. Софи нравилась лишь одна кукла: мягкая, в бархатном жакете, с длинной черной косой, как у Айи Мими, но игрушка заплесневела и рассыпалась в прошлом году во время летних дождей.

— Я хочу настоящего праздника!

— Не кричи! — резко осадила ее мать. — Ты потревожишь отца.

Она метнула беспокойный взгляд в темное нутро жилища, откуда не доносилось ни звука, за исключением мяуканья котенка, который появился у них совсем недавно.

— Папа сегодня встанет? — спросила Софи. — Если не будет застолья, может, он возьмет меня на рыбалку?

— Нет, не сегодня. Сегодня никто никуда не пойдет.

— Но почему?

Мать вертела кольцо на пальце.

— В следующем году, если на то будет воля Божья, у тебя будет настоящий праздник, я обещаю.

— Мне здесь не нравится, я хочу домой!

Софи выбежала на веранду, решительно уселась на ступеньки крыльца и приготовилась ждать. Она не могла примириться с мыслью о том, что никто не придет.

— Не сиди на солнце, — раздраженно сказала ей мать. — И не ходи дальше крыльца.

— Почему?

— Потому что я так сказала.

Из сумрака комнат беззвучно вышла Айя Мими, тоненькая женщина с родинкой на подбородке, и надела на голову Софи тропический шлем, ласково уговаривая ее уйти из-под палящих лучей солнца.

— Пора пить лимонад и слушать сказку, — улыбнулась Айя. — А потом будет много-много сладостей.

Когда Софи обернулась, матери на веранде уже не было.

* * *

Они ссорились. Слышались мужские голоса: хриплый недовольный голос ее отца и другой, глубокий и зычный. Просторная веранда погрузилась во тьму. Пока девочка спала в низко подвешенном гамаке, кто-то укрыл ее хлопковой простыней, от которой, как и от Айи Мими, исходил аромат гвоздики.

Небо окрасилось в красные зловещие тона. Барабанный бой, доносившийся из деревни, стал громче. Он распугивал птиц на деревьях, и они разлетались с пронзительными криками. Встревоженная Софи села в гамаке. Ее мать тоже кричала.

— Лучше уйдите! Вы только все усложняете!

А почему мяукает котенок? В сумерках каждый звук казался громче, чем был на самом деле.

Софи выбралась из гамака и, натываясь то на тяжелые предметы мебели, то на цветочные кадки, выглянула с крыльца. Внизу к столбу была привязана большая вороная лошадь. В угасающем вечернем свете девочка разглядела лишь мотающийся из стороны в сторону хвост. За ней никто не присматривал. Позади густого сада не горели огни в кухонных очагах.

День ее рождения еще не закончился? Софи посмотрела на свое влажное платье, прилипшее к зудящей коже. Да, должно быть, это все еще день ее рождения.

— Айя! — позвала Софи. — Айя Мими!

Ей хотелось, чтобы няня пришла и побыла рядом с ней, пока взрослые кричат, в небо над деревней взлетают огни фейерверков, а барабаны ухают как будто прямо у нее в голове.

Неожиданно открылась дверь, выпуская крики наружу. Софи отпрянула в тень.

— Джесси, вам угрожает опасность. Вам следует уехать отсюда...

— Я никуда не поеду. Не вмешивайтесь не в свое дело! Именно ваше присутствие — причина опасности.

Громкоголосый мужчина с решительным видом вышел из дома и спустился по ступенькам крыльца. Софи слышала фыркание большой лошади, когда незнакомец вскочил в седло и, пришпорив животное, послал его вперед, крикнув напоследок:

— Пеняйте на себя!

Гневные тирады отца продолжали раздаваться и после того, как всадник растворился в сумерках. Его «лихорадочные крики», как называла это мать, наполняли комнаты старого дома.

Боясь пошевелиться, съезжившаяся в темноте Софи услышала жалобный шепот встревоженных женских голосов и торопливые шаги чьих-то ног, под которыми закрипели разошедшиеся доски пола.

Над ступенями крыльца мелькнуло красное сари. Софи вскочила на ноги.

— Айя Мими! Подожди!

Вздвигнув, женщина обернулась. Она что-то сжимала в руках. Это была корзина с котенком.

В следующее мгновение мать схватила девочку за руку.

— Тише, пусть она уходит.

— Куда она идет?

Лицо матери исказилось мучительной гримасой, словно у нее болел зуб.

— По важному делу.

Софи стало страшно. Айя Мими не должна никуда уходить без нее. И кто этот человек, который расстроил папу? Почему ее мать выглядит так, как будто недавно плакала? Более ужасный день рождения трудно было себе представить. Софи раздражали доносившиеся из деревни удары барабанов, звучащие, казалось, все громче, и пламя пылающих в ночной темноте факелов. Она хотела сказать обо всем матери, но вместо этого громко разрыдалась.

— Я так и не поиграю в прятки!

— Тише, девочка моя, — сказала мать, обняв дочь.

Затем она вытащила из рукава хлопковый платок.

— На, высморкайся.

В эту секунду у ворот усадьбы неожиданно раздался оглушительный шум. Отец Софи снова заревел. Мать ахнула и поволокла девочку через веранду.

— Быстро спрячься!

— Мы что, играем в прятки?

Девочку объяли страх и волнение.

— Да, давай, живо! Спрячься и сиди тихо, как мышь.

Софи тут же оживилась.

— Не смотри! — крикнула она матери, улыбаясь, и со всех ног бросилась бежать.

Девочка залезла в сундук с бельем, зарывшись в ароматные простыни. Пытаясь различить шаги матери, она улавливала лишь приглушенный бой барабанов и треск взрывающихся фейерверков.

Мать так и не пришла ее искать. Аяя тоже не пришла. Зато пошел дождь и стук капель по крыше заглушил бой барабанов в деревне. Стало прохладно. А затем Софи уснула.

* * *

В конце концов они нашли ее в сундуке для белья. Свернувшаяся калачиком девочка щурилась от яркого света. Она изумленно молчала, когда они достали ее оттуда. Ее растрепанные влажные волосы прилипли к красным щекам. Неизгладимое впечатление производили ее глаза — темные омуты, полные ужаса. Именно этот затравленный взгляд заставил их тревожно гадать, что же увидела эта девочка.

Глава первая

Эдинбург, июнь 1922 года

Перепрыгивая через две ступени, Софи Логан бежала вверх по винтовой лестнице, и стук ее подошв по истертым камням разносился по темной лестничной клетке многоквартирного